

Максимович Желько

УСПЕШНЫЕ
РОДИТЕЛИ

ПРЕМИУМ

ИДЕАЛЬНАЯ
СЕМЬЯ

ЛЮКС

СФ,

Аренда родителей

ПОНИМАНИЕ

СТАНДАРТ

ЛУЧШЕЕ
БУДУЩЕЕ

VIP

АРЕНДА
РОДИТЕЛЕЙ

ВОЗМОЖНОСТЬ
ВЫБОРА?

О поиске
смысла,
выборе
и честности
в отношениях

Желько Максимович
СФ, Аренда родителей

«Автор»

2026

Максимович Ж.

СФ, Аренда родителей / Ж. Максимович — «Автор», 2026

В центре повествования — Марина, женщина, занимающаяся преподаванием и воспитанием своей дочери Кати. Марина и Катя проходят через сложные моменты в отношениях с окружающим миром и сами собой. Марина старается не давать готовых ответов на вопросы, позволяя дочери находить собственный путь. Когда Катя общается с другими детьми, она ощущает отстраненность и часто находит разговоры о мелочах — скутерах, питомцах — неинтересными, что приводит к глубоким размышлениям о жизни. Но в их отношениях с Мариной вскрываются иные сложности, когда Катя начинает сомневаться в правильности выбора окружения. Это произведение касается темы поиска смысла в окружающем мире и необходимости быть рядом в моменты перемен.

© Максимович Ж., 2026

© Автор, 2026

Желько Максимович

СФ, Аренда родителей

Глава 1. Контракт

Зелёный луч сканера был холодным — она знала это заранее, помнила по прошлым разам, но всё равно дёрнулась, когда он скользнул по глазу. Не больно. Просто неприятно, как прикосновение чужой руки к лицу без предупреждения.

— Подтверждение получено, — произнёс планшет голосом, лишённым интонации. — Биометрическая идентификация завершена.

Юрист уже тянулся за следующим листом. Его звали Константин Эдуардович — она прочла на табличке у входа, — и он за всё время не обратился к ней по имени ни разу. Просто - следующий лист-, -здесь подпись-, -сюда сетчатку-. Будто она была не человеком, а набором процедур.

— Статья двенадцать, пункт третий, — говорил он, листая экран запястным движением, отработанным до автоматизма. — Биологические родители сохраняют все права на ребёнка в рабочие дни с понедельника по четверг включительно. Пункт четвёртый: принимающая семья несёт ответственность за ребёнка в период выходных дней, государственных праздников и каникулярного времени согласно утверждённому Бюро расписанию. Изменения в расписании допускаются только по взаимному письменному согласию сторон, зарегистрированному в системе...

Марина смотрела в окно. Видела башни.

Они всегда были там — Верхний город, — спокойно и неотвратимо нависая над нижними кварталами, как напоминание о существовании другого мира. Стекло и бетон, выкрашенный в цвета, которые не выгорают под дождём. Ровные линии. Балконы с живыми растениями — не пластиковыми, не голографическими, а настоящими, которым нужна вода и земля. Марина как-то видела в новостях сюжет об оранжереях Верхнего города: целые сады на крышах, беседки, увитые настоящим плющом. Голос за кадром говорил о -возможностях для качественного семейного досуга-. Она тогда не выключила телевизор, смотрела до конца, хотя каждую секунду хотелось бросить чем-нибудь в экран.

— ...пункт девятый: медицинские решения, требующие госпитализации сроком свыше трёх суток, принимаются совместно обеими сторонами контракта. В случае разногласий приоритет остаётся за...

— Мне уже объясняли, — сказала Марина.

Юрист поднял глаза.

— Это обязательная часть процедуры.

— Я знаю. Я подписываю это уже пятый раз.

Он смотрел на неё без выражения — ни раздражения, ни понимания. Просто ждал.

— Продолжайте, — сказала она.

И он продолжил.

Она была рождена в этом городе, выросла в квартале Д-17, где фасады домов красили раз в десять лет, а коммунальные счётчики стояли в общем коридоре — прозрачные, с красными полосками, чтобы соседи видели, кто сколько тратит. Её мать работала на том же заводе, только в другом цеху, и умерла от сердечного приступа в пятьдесят три, не дожив до пенсии шесть месяцев. Отец исчез ещё раньше, как исчезают люди, которым нечем объяснить своё присутствие.

Марина окончила техническое училище с отличием. Это значило что-то — но не то, чего она хотела. Это значило: место в очереди на хорошую ставку, а не на плохую. Это значило: комната в блоке вместо угла в общежитии. Это значило: медицинский полис категории Б вместо В.

Она работала. Откладывала. Думала о курсах программирования, о вечерней школе, о каких-то горизонтах, которые казались достижимыми, если очень долго идти и не останавливаться.

А потом родилась Катя.

Незапланированная. Нелегальная. Драгоценная.

Когда Марина узнала о беременности, первым чувством была паника — не страх, а именно паника, та вибрация в грудной клетке, когда мозг ещё не успел обработать информацию, а тело уже знает: всё меняется. Вторым чувством — удивительно быстро, почти одновременно — было что-то другое. Тихое и твёрдое, как камень в реке, которую обтекают воды. Нет. Не отдам.

Она не отдала.

Платой за это стало всё остальное.

— ...статья семнадцатая, — монотонно продолжал юрист. — Принимающая семья обязана предоставить ребёнку условия, соответствующие стандартам Бюро категории А или выше. Биологический родитель не имеет права...

Марина слышала его, как слышат звук за стеной — смысл угадывается, но не проникает. Она смотрела на свои руки, лежащие на коленях. Пять лет работы с мелкими деталями сделали их точными, но не красивыми: въевшийся технический жир под ногтями, который не отмывается до конца, небольшая мозоль на указательном пальце правой руки от постоянного давления инструмента, шрам у запястья от порезы о контакт три года назад.

Рука, которая держит Катю каждый вечер.

Рука, которая дрожит сейчас.

Она заметила дрожь, только когда взяла планшет для подписи. Тонкий тремор — не видимый, только ощутимый изнутри, как слабый ток. Это был уже пятый раз. Она думала, что с каждым разом будет легче. Не стало.

Если что-то и изменилось за три года, так это понимание: не станет никогда.

— Подпись здесь. И здесь.

Она подписала. Буквы вышли ровнее, чем ей казалось: Марина Сергеевна Вёрткина, угловатыми печатными буквами, как в анкетах. Личная подпись у неё никогда не получалась красивой.

— Сканер сетчатки ещё раз, для финального подтверждения.

Она наклонилась. Зелёный луч — снова это ощущение занозы, не физической, а скорее концептуальной: её глаз прочитан, занесён, помечен, сохранён. Она стала данными.

— Отлично. Контракт продлён на один год. Следующая плановая проверка — через шесть месяцев. Вам направят уведомление на привязанный номер не позднее чем за двенадцать дней.

Константин Эдуардович сложил планшет, встал. Марина не двигалась.

— Это всё?

— Да. — Он чуть помедлил, видимо решая, стоит ли добавить что-то человеческое. Решил, что нет. — Всего доброго.

Она тоже встала.

Офис Бюро занимал третий этаж здания, выстроенного в архитектурном стиле, который Марина мысленно называла -государственный прямоугольник-: ничего лишнего, ничего красивого, всё функционально. Серый ковёр, серые стены, потолок с люминесцентными панелями, дающими свет без тени. Такой свет не располагал к личным разговорам. Он был создан для официальных процедур — и хорошо справлялся со своей задачей.

В коридоре сидели другие. Преимущественно женщины — одна с маленьким мальчиком на коленях, другая в одиночестве, уставившаяся в телефон с выражением человека, который смотрит в экран, но ничего не видит. Мужчина лет сорока у окна — руки в замке, взгляд в пол. Все они пришли сюда по той же причине.

Никто ни с кем не разговаривал.

Это тоже было частью процедуры — негласной, не прописанной ни в одной статье контракта, но соблюдаемой неукоснительно. Здесь не было места солидарности. Здесь каждый был отдельной единицей с отдельным делом и отдельной болью.

Марина прошла мимо них к лестнице, не поднимая глаз.

На улице пахло предвечерней сыростью и выхлопом. Небо затянули низкие тучи цвета свежего бетона. В Нижнем городе тучи всегда казались ближе — как будто Верхний город, со своими башнями и очищенным воздухом, отодвигал их вниз.

Марина остановилась у ступеней и достала телефон.

Сообщение пришло ещё во время процедуры — она почувствовала вибрацию, но не смотрела. Теперь смотрела.

Лариса Сомова: -Катюша уже собрала вещи! Мы с Виктором с нетерпением ждём её в пятницу. Планируем съездить в Ботанический парк — там как раз открылась новая экспозиция тропических растений. Катенька будет в восторге!-

Смайлик с цветком. Смайлик с сердечком. Смайлик с ладошками, сложенными в жест молитвы или просьбы — Марина никогда не понимала этот символ.

Она смотрела на сообщение долго.

Ботанический парк. Она знала, где это, — в каком квадрате Верхнего города, между какими улицами. Когда-то — лет в шестнадцать, в период, когда казалось, что город можно изучить и освоить, что он целиком принадлежит всем, — она проехала мимо на трамвае. Видела забор из кованых прутьев, аккуратные дорожки за ним, людей в светлой одежде. Тогда она посмотрела на табличку с ценами и поняла, что не войдёт туда никогда.

Не потому, что не хотела. Потому что не могла.

Она сжала телефон. Пальцы побелели у суставов — она увидела это со стороны, будто наблюдая за чужими руками. Разжала. Нажала -ответить-. Написала: -Спасибо за уведомление. Катя будет готова к шести-. Удалила смайлик, который поставила автоматически. Отправила.

Вложила телефон в карман.

Пошла к остановке.

Трамвай шёл двадцать минут. Марина стояла у окна, держась за поручень. Рядом ехала пожилая женщина с сумкой на колёсиках, из которой торчала ботва свёклы. Мужчина в строительной форме спал стоя — голова запрокинута, рот приоткрыт, руки намертво сжимают поручень. Его тело знало, что делать без участия сознания. Наверное, он делал так каждый день.

Марина смотрела на город за стеклом.

Нижний город менял цвета от блока к блоку — но незначительно, в рамках одной палитры. Серый, тёмно-серый, серо-коричневый. Фасады с потёками от ржавых водостоков. Вывески магазинов, некоторые с перегоревшими буквами. Детская площадка с пластиковой горкой, у которой отломился бортик. Голографический щит рекламы, подёргивающийся помехами: -Оформи заявку на Лицензию за три шага!- — и счастливая семья в белом, которую Марина видела столько раз, что уже не воспринимала их как людей. Просто символы.

Она думала о Кате.

Дочь сейчас дома — Марина проверяла её по камере в прихожей четверть часа назад, до того как войти в Бюро. Катя делала уроки за кухонным столом, вывесив кончик языка, как делала всегда, когда думала. Это была привычка с трёх лет: задача, требующая усилия, тут же выдавала себя этим маленьким жестом. Марина не могла объяснить, почему это так её трогало. Наверное, потому что это было совершенно её — ни от кого не взятое, никем не подаренное. Просто Катина черта.

Катя собрала вещи. Лариса написала: -уже собрала вещи-.

Значит, они говорили раньше. Значит, Лариса позвонила дочери в школу или написала на её детский браслет связи — тот синий браслет, который Сомовы подарили на прошлый год рождения. Марина не протестовала против браслета. Это был дорогой браслет, с хорошим навигатором, с функцией экстренного сигнала. Полезный. Она не могла позволить себе такой. Но Катя носила его каждый день, а Марина каждый раз видела его на запястье дочери и думала о том, что означает этот предмет сверх своей функции.

Трамвай остановился. Вышла половина пассажиров, вошла другая половина. Мужчина в строительной форме продолжал спать.

Марина не заняла освободившееся место. Продолжала стоять.

Квартира встретила её запахом остывших макарон и тихим гулом радиатора. Зимой радиатор работал на минимуме — Марина регулировала подачу тепла сама, каждый лишний градус стоил денег, которых не было. Но сейчас, в начале осени, он просто гудел по инерции, чуть тёплый, как привычка.

— Мама!

Катя выбежала из кухни. Ей было восемь лет — маленькая для своего возраста, узкоплечая, с тёмными волосами, подрезанными коряво, потому что Марина стригла их сама. На щеке осталась линия от карандаша — наверное, задумалась и прислонилась.

Марина обняла её крепко, вдыхая: детский шампунь, немного карандаша, немного того неопределимого запаха, который она знала с рождения и который называла про себя просто -Катя-.

— Как дела в Бюро?

— Нормально. Всё подписано.

— Значит, я еду в пятницу?

— Да, солнышко.

Катя кивнула. Что-то в её лице чуть изменилось — Марина не могла бы описать это точно, но видела: быстрая волна, прошедшая и успокоившаяся. Облегчение? Или что-то сложнее?

— Лариса Петровна написала про Ботанический парк, — сказала Катя.

— Я знаю.

— Там будут настоящие тропические цветы. Она говорит, что там пахнет как в джунглях.

— Хорошо.

Они вернулись на кухню. Катя снова уселась за уроки — задача по арифметике, числа в столбик. Марина разогрела остатки макарон, поставила перед ней тарелку, сама встала у плиты со своей. Ела стоя — привычка, от которой не было смысла избавляться, когда стол занят чужими тетрадами.

— Мам, — Катя не подняла головы от задачи. — А ты была когда-нибудь в Ботаническом?

— Нет.

— Почему?

— Дорого.

Секунда. Катя передвинула числа в столбике.

— Это нечестно, — сказала она так же спокойно, как говорят о погоде. — Что парк только для богатых.

— Так устроен мир.

— Мне не нравится, как он устроен.

Марина посмотрела на её затылок. На кривую линию пробора — немного вбок, не идеально, потому что Катя сама расчёсывалась утром и не попросила помощи. Она всё меньше просила помощи.

— Мне тоже не нравится, — сказала Марина.

Катя кивнула, будто это решало дело, и вернулась к числам.

После ужина и уроков, когда Катя уснула — быстро, как засыпают дети, будто кто-то выключает свет, — Марина сидела на кухне с кружкой дешёвого чая. Чай уже остыл. Она не пила его, просто держала в руках, чтобы чувствовать вес.

За окном Нижний город постепенно успокаивался. Голоса с улицы становились реже, тише. Далеко, почти на горизонте, светился Верхний город — ровно и ярко, как будто у них там не бывает экономии электричества. Как будто там всегда праздник.

Марина думала о контракте.

Каждый год она подписывала его заново, и каждый год текст был почти одинаковым — только даты менялись, только её дрожь становилась чуть другой. Первый раз она плакала в туалете Бюро, закрывшись в кабинке и зажав рот рукой, чтобы никто не услышал. Второй — не плакала, но не могла говорить несколько часов. Третий — подписывала уже привычно, почти механически, и это испугало её больше слёз. Четвёртый раз прошёл в каком-то тумане; она не помнила его деталей. Только чувство потом — как будто сдала что-то на хранение и не получила квитанции.

Пятый раз. Сегодня. Рука дрожала.

Значит, не привыкла. Или привыкла и снова разучилась.

Она поставила кружку на стол и посмотрела на телефон. Сообщение от Ларисы всё ещё светилось в уведомлениях — она убрала его с экрана, но оно никуда не делось.

Ботанический парк. Тропические растения.

Катя будет счастлива. Катя вернётся в воскресенье с горящими глазами и словами -мама, ты не представляешь, там было...- — и Марина будет слушать, кивать, улыбаться. Настоящей улыбкой. Это важно: улыбка будет настоящей. Потому что Катино счастье — настоящее, и оно дороже всего остального.

Но счастье Кати в Ботаническом парке купит Лариса Сомова за сумму, которую Марина не видела бы никогда, сколько бы ни работала. И это тоже настоящее.

Два настоящих, не вмещающихся вместе.

Она подумала о подписи, которую поставила сегодня. О зелёном луче, прочитавшем её сетчатку. Её глаз теперь в базе данных Бюро — уже был, давно, но каждый год обновляется. Это они называют -подтверждением намерений-. Намерений. Как будто согласие с неизбежным можно назвать намерением.

Марина встала, вылила холодный чай в раковину, выключила свет. Прошла по коридору в Катину комнату, осторожно открыла дверь.

Дочь спала на боку, подтянув колени — позиция, в которой она спала с двух лет. Одеяло съехало, Марина поправила его. Постояла.

В слабом свете из щели жалюзи Катино лицо было спокойным, неподвижным. Она дышала ровно, чуть приоткрыв рот. На тумбочке лежал школьный браслет связи — синий, с маленьким экраном. Подарок Ларисы.

Марина смотрела на него. Потом отвела взгляд.

Прикрыла дверь.

Ночью ей снился сон без сюжета — только ощущение. Она шла по длинному коридору с серым ковром, и в конце коридора была дверь, и за дверью был свет. Не яркий, не тёплый

— просто свет, как из окна в облачный день. Она шла к этой двери, и путь не кончался. Не потому, что дверь отдалялась, а потому что коридор был просто очень длинным.

Она проснулась в четыре утра от того, что затекла рука.

Лежала, глядя в потолок, слушая тишину.

За стеной тихонько храпел сосед — пожилой мужчина, работавший охранником. Его жена умерла два года назад. Иногда Марина слышала, как он разговаривает сам с собой, когда думает, что никто не слышит. Не бред, не болезнь — просто привычка к голосу в комнате, которая осталась, когда голос пропал.

Она подумала об этом. О привычке к присутствию.

Катя привыкала к Ларисе. К Виктору. К их дому, к их запаху, к их голосам. Марина видела это каждый понедельник, когда дочь возвращалась: первые несколько часов что-то едва уловимое в ней было не её, не отсюда, как будто она приносила с собой воздух другого места. Потом это рассасывалось. Катя снова становилась просто Катей.

До следующей пятницы.

Марина закрыла глаза.

Думала о том, что завтра надо встать в полшестого, собрать Катю к восьми, сдать смену в двух местах — основной цех и подработка по вечерам, которую она взяла три месяца назад, когда поняла, что старого заработка не хватает даже на новую зимнюю куртку для дочери. Думала о том, что надо позвонить в ЖЭК насчёт текущего крана в ванной. Думала о том, что в пятницу Катя снова уйдёт, и квартира снова станет пустой, и она снова будет сидеть у окна и смотреть на огни Верхнего города.

Думала о сканере. О зелёном луче.

Её глаз прочитан. Данные сохранены. Контракт продлён.

Ещё один год.

Утром Катя пришла на кухню сонная, с непричёсанными волосами, в той пижаме с медведями, которую Марина купила в прошлом сезоне на распродаже. Пижамы были немного велика — Марина взяла с запасом, на вырост. Теперь Катя в неё почти выросла.

— Есть каша? — спросила дочь.

— Есть.

Марина поставила перед ней тарелку. Овсянка с кусочком яблока, порезанным мелко, потому что Катя не любила большие куски. Это была маленькая деталь, которую никто, кроме Марины, не знал. Или знал? Она не спрашивала, как Лариса кормит дочь на завтрак. Не хотела знать.

Катя ела, не просыпаясь окончательно. Взгляд в тарелку, ложка движется механически.

— Сегодня контрольная по чтению, — произнесла она между ложками.

— Ты готова?

— Угу.

— Что за текст?

— Про журавлей. Перелётных. Надо пересказать и ответить на вопросы.

— Справишься.

— Знаю.

Она сказала это без хвастовства — просто констатация. Катя всегда знала, что справится с тем, для чего у неё есть инструменты. Это было в ней удивительно: трезвость, почти взрослая. Без самоуничижения, без самонадеянности.

Марина смотрела на неё и думала: откуда это в ней? Не от меня. Я так не умею. Может, это просто она сама — то, что не передаётся, а возникает.

— Мам, — Катя подняла глаза. — Ты хорошо спала?

— Нормально.

— У тебя такой вид, как будто нет.

— Засиделась.

Катя кивнула и вернулась к каше. Приняла ответ без уточнений — тоже её черта. Она не давила. Спрашивала и отпускала.

Восемь лет. Откуда.

В семь пятьдесят Марина застёгивала Кате куртку в прихожей — верхние пуговицы, которые дочь всегда пропускала. Рюкзак был собран с вечера, обувь стояла у двери.

— Ты идёшь на работу прямо сейчас? — спросила Катя.

— Да. После того как ты уйдёшь.

— А вечером придёшь вовремя?

— Постараюсь. Если без переработки.

— Постарайся, ладно? Ты обещала, что мы посмотрим кино в среду.

— Помню.

Катя надела рюкзак. Посмотрела в зеркало — проверила, правильно ли стоит воротник. Потом повернулась к матери.

— Мама.

— Да?

— Ты не расстраивайся, — сказала она. — Насчёт пятницы. Я всё равно больше люблю дома.

Марина смотрела на дочь. На это серьёзное, немного сонное лицо, на карандашную линию, которую она не смыла до конца вчера вечером — осталась бледная полоска у виска.

— Ты любишь и там, и дома, — сказала она. — Это нормально.

Катя качнула головой — едва заметно, не согласие и не отрицание. Просто жест.

— Всё равно.

Она открыла дверь и пошла по коридору к лифту. Марина стояла в дверях, провожая взглядом, пока двери лифта не закрылись.

Потом вернулась на кухню.

Телефон лежал на столе. Сообщение от Ларисы. Смайлики. Ботанический парк.

Она взяла телефон, открыла сообщение.

-Катюша уже собрала вещи! С нетерпением ждём её в пятницу. Планируем поездку в Ботанический парк-.

Закрыла. Убрала в карман.

Пора на работу.

Она надела куртку — старую, но ещё крепкую, со сменённой молнией и подкладкой, которую она перешила сама два сезона назад. Взяла сумку. Выключила свет.

У двери остановилась на секунду.

В квартире стояла тишина. Та особая утренняя тишина, которая бывает только после того, как ребёнок ушёл: полная, чистая, почти физически ощутимая. Тишина без человека, который должен быть здесь.

Марина слышала эту тишину каждое утро. Привыкла к ней. Но сегодня, после Бюро, после контракта, после зелёного луча и монотонного голоса юриста — сегодня она звучала иначе.

Как ответ на вопрос, который никто не задавал вслух.

Она вышла и закрыла дверь.

Ключ повернулся в замке. Щелчок — тихий, привычный, окончательный.

Ещё один год.

Глава 2. Пятница

Синее платье висело на дверце шкафа с утра.

Катя повесила его сама — вынула из ящика, расправила, аккуратно зацепила за верхнюю петлю вешалки и отошла на шаг, чтобы посмотреть. Марина наблюдала за этим из дверного проёма, не входя. Дочь стояла спиной к ней, голова чуть наклонена вправо — та поза, которую Марина знала как -Катя думает серьёзно-. Потом Катя подошла и поправила левый рукав, который слегка перекрутился. Разгладила ладонью ткань по подолу.

Это был её ритуал. Марина поняла это только сейчас, глядя.

Платье было тёмно-синим, с тонким белым воротником и маленькими пуговицами на манжетах — простое, не нарядное, но в нём Катя выглядела иначе. Взрослее. Или, скорее, как человек, у которого есть жизнь помимо двора и школьного коридора. Марина купила его в мае, в магазине уценённой одежды на окраине рынка, куда ходила раз в сезон. Три месяца она откладывала по чуть-чуть — снимала с обеда: брала на работу термос с чаем и пару кусков хлеба вместо столовой. Коллеги иногда спрашивали, не заболела ли. Она говорила, что на диете.

Катя надела платье один раз — в день рождения, в июне. Они собрали за столом троих девочек из соседних квартир, испекли торт из готовой смеси, поставили по центру стола самодельные гирлянды из цветной бумаги, которые вырезали вечером накануне. Было шумно и тесно. Катя сидела во главе стола в синем платье и смеялась так, что у неё краснели уши. Марина фотографировала с телефона и думала: вот, вот оно, — и не могла назвать точнее, что именно -оно-.

С тех пор платье лежало в ящике, сложенное. Марина иногда видела его краем, когда открывала ящик за чем-то другим. Не трогала.

Теперь оно висело на дверце.

— Мам, — Катя обернулась, не сразу, будто услышав её присутствие раньше, чем звук. — Я возьму синее платье, можно?

— Уже, вижу, — сказала Марина.

— Лариса Петровна написала, что в Ботаническом парке есть ресторан. Там нужно быть... — Катя сделала небольшую паузу, подбирая слово, — ...прилично одетой.

Марина прошла в комнату и опустилась на диван. Пружина под левым подлокотником давно просела, диван принимал её так же, как принимает старая обувь — по форме, без сопротивления. Она смотрела на платье. На то, как оно висит, слегка покачиваясь от её движения.

Три месяца обедов. Термос с чаем. Вопросы коллег.

— Конечно, солнышко, — сказала она. — Бери.

Катя кивнула — коротко, деловито — и снова повернулась к шкафу. Начала складывать вещи в рюкзак методично: сначала одежда, потом книга, потом зарядник для браслета связи. Марина наблюдала за этим и думала о том, что дочь собирает вещи в чужой дом с такой же обстоятельностью, с какой собирала бы их в лагерь или на экскурсию. Без тревоги. Без суеты. Просто дело, которое нужно сделать правильно.

Когда это стало таким привычным?

Был момент — Кате тогда было пять, первый год программы, — когда она плакала каждую пятницу. Не громко, без истерики, просто у неё начинали блестеть глаза где-то за час до прихода Виктора, и она ходила за Мариной по квартире, держась за подол, молча. Марина не знала, как это выдержать. Она брала Катю на руки, они сидели на диване, и Марина говорила что-то — что именно, она уже не помнила, но говорила долго, тихо, и к шести часам Катины глаза подсыхали. Тогда приходил Виктор. Катя шла к нему — неохотно, оглядываясь.

Теперь она не оглядывалась.

— Мам, — Катя застегнула рюкзак и подошла к дивану. Присела рядом — не вплотную, на некотором расстоянии, как взрослые садятся рядом для разговора. — Ты не обижаешься, что я еду?

— Нет, — Марина ответила раньше, чем успела подумать. — Нет, конечно.

— Просто у тебя такое лицо.

— Какое?

Катя смотрела на неё — внимательно, без детской неловкости. Этот взгляд всегда немного выбивал Марину из равновесия: в нём было что-то нечастное для восьмилетней, что-то, что возникает у людей, привыкших наблюдать и делать выводы молча.

— Как будто ты думаешь о чём-то грустном, — сказала наконец Катя. — Но не хочешь говорить.

— Просто устала, — Марина попробовала улыбнуться. — Рабочая неделя.

— Вторник и среда?

— И четверг тоже. Была переработка.

— Ты должна была мне сказать.

— Зачем?

— Чтобы я не просила тебя играть в среду вечером. Ты же пришла усталая, а я тебя мучила этой настольной игрой.

Марина смотрела на дочь. На эту маленькую, серьёзную девочку, которая говорила - мучила- о полутора часах, когда они вместе двигали фишки по старой картонной доске и Катя выиграла три раза подряд и радовалась с неподдельным азартом.

— Ты меня не мучила, — сказала Марина.

— Ладно, — Катя не стала спорить. Помолчала. — В воскресенье, когда вернусь, посмотрим кино?

— Обязательно.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Улыбка — быстрая, тёплая, с этим специфическим оттенком облегчения, который Марина научилась читать и каждый раз предпочла бы не видеть. Потому что это облегчение значило: дочь боялась. Не отказа, не злости — просто боялась, что что-то пойдёт не так. Что Марина будет обижена. Что между ними возникнет то напряжение, которое Катя не умела называть, но умела чувствовать.

Восемь лет. Она уже умела бояться таких вещей.

Катя обняла её — крепко и немного неловко, рюкзак на спине мешал. Марина обняла в ответ, закрыла глаза. Вдохнула. Детский шампунь, немного карандаша, запах, который она знала наизусть.

— Я скоро вернусь, — сказала Катя в её плечо.

— Я знаю.

— И мы посмотрим кино.

— Знаю.

Катя отстранилась. Взяла рюкзак за лямку, перекинула на плечо — с привычным движением человека, который делает это регулярно. Пошла к двери.

У порога остановилась.

— Мам.

— Да.

— Синее платье хорошее, — она не обернулась. — Я буду его беречь.

— Я знаю.

Дверь в комнату осталась открытой. Катя ушла в прихожую. Марина слышала, как она надевает ботинки — левый, потом правый, потом долго завязывает шнурок на правом, который всегда развязывался.

Марина осталась сидеть на диване.

Смотрела на пустую вешалку на дверце шкафа.

До прихода Виктора оставалось почти два часа. Катя устроилась на подоконнике — любимое место, которое она занимала с тех пор, как научилась туда забираться, лет в четыре. Подоконник был широкий, старой советской кладки, с облупившейся краской у правого края. Катя сидела там с ногами, прижав колени к груди, и смотрела вниз, на двор.

Марина делала что-то на кухне — мыла посуду, протирала стол. Привычные движения, которые не требовали мысли. Но думать всё равно не получалось. Точнее, думалось одно и то же, по кругу, без результата.

Синее платье.

Она не жалела. Это было важно проговорить себе чётко, потому что что-то очень похожее на сожаление жило где-то в районе грудины и мешало дышать ровно. Но это было не сожаление. Она не жалела. Она хотела, чтобы Кате было хорошо. Она хотела, чтобы дочь надела красивое платье и пошла в красивый парк. Это правда. Это всё правда.

Просто правда иногда занимает в тебе место, и это место болит.

— Мам, — позвала Катя из комнаты.

— Да?

— Там мальчик с третьего этажа снова дразнит Ньюру.

Марина машинально выглянула, хотя из кухни двор виден не был.

— Какой мальчик?

— Толстый такой, с красным рюкзаком. Он всегда это делает.

— И что Ньюра?

— Ничего. Уходит.

Пауза. Потом:

— Это правильно?

— Что — уходить?

— Ну, вместо того чтобы дать сдачи.

Марина подумала.

— Иногда уйти — это и есть сдача.

— Не понимаю.

— Не реагировать на того, кто хочет реакции. Это сложнее, чем ударить.

Долгое молчание. Скрип подоконника — Катя переменяла положение.

— А если ему от этого не становится хуже?

— Тебе важно, чтобы ему было хуже?

— Нет. Просто... чтобы он перестал.

— Перестаёт не всегда тот, кому делают хуже. Иногда перестаёт тот, кому становится скучно.

Снова тишина. Потом:

— Ладно.

Марина не была уверена, что её объяснение было хорошим. Но Катя приняла его так, как принимала многое — без окончательного согласия, с видом человека, который складывает информацию в отдельную стопку и вернётся к ней позже.

В половину шестого Катя слезла с подоконника и пошла в туалет приводить себя в порядок. Марина слышала, как журчит вода — долго, значит, Катя мыла руки дважды, как привыкла. Потом — тихий звук расчёски. Потом пауза. Потом снова расчёска.

Марина вышла в коридор.

— Помочь?

— Нет. — Из-за закрытой двери. — Я сама.

— Хорошо.

Она вернулась в комнату. Синее платье висело теперь поверх рюкзака, аккуратно свёрнутое в несколько слоёв и укрытое тонким целлофановым пакетом, который Катя, видимо, нашла в ящике. Марина не знала, что у неё есть такие пакеты. Но Катя знала. Катя в свои восемь лет знала, где в этой квартире что лежит, лучше неё самой.

Когда-то это было умилительным.

Сейчас Марина смотрела на этот пакет с платьем и думала о том, как тщательно дочь его упаковала. Чтобы не помялось. Чтобы было в порядке — там, в другом месте, для другого случая.

В дверь позвонили ровно в шесть. Не без пяти, не в три минуты седьмого. Ровно.

Марина знала, что это Виктор, ещё до того, как увидела его на экране домофона. Он всегда приходил ровно. Это было не пунктуальностью в обычном смысле — это было демонстрацией уважения, тщательно выверенной и потому немного похожей на давление. Ровно в шесть означало: я всё делаю правильно. Я соблюдаю все условия. Придраться не к чему.

Она нажала кнопку.

— Добрый вечер, Виктор Николаевич. Поднимайтесь.

Пока он поднимался в лифте, Марина сделала три медленных выдоха. Не потому, что волновалась — просто это помогало. Она научилась этому в первый год: три медленных выдоха перед каждой пятницей и после каждого воскресенья.

Звонок в дверь.

Она открыла.

Виктор Сомов был высоким, плотным, с аккуратной бородой, начинающей седеть у висков. Он всегда одевался спокойно и дорого — сегодня тёмно-синий жакет, хорошие брюки, ботинки без единой царапины. На запястье часы — Марина никогда не разбиралась в марках, но эти явно стоили больше, чем она зарабатывала за месяц. Духи были дорогими и умеренными, но в маленькой прихожей им всё равно становилось тесно.

— Добрый вечер, Марина Сергеевна, — он протянул руку.

Она пожала её быстро. Ладонь у него была сухой и тёплой. Она каждый раз замечала это и каждый раз раздражалась на себя за то, что замечает.

— Добрый вечер. — Она чуть отступила назад. — Катя, Виктор Николаевич приехал.

Катя уже стояла в дверях своей комнаты — в куртке, с рюкзаком, платье в пакете зажато под мышкой. Она успела переплести волосы в косу — криво, левее, чем нужно, но с явным старанием.

— Добрый вечер, Виктор Николаевич! — произнесла она со смесью вежливости и сдержанного нетерпения.

— Здравствуй, — Виктор улыбнулся. У него была хорошая улыбка — Марина признавала это против желания. Не заученная, не профессиональная. Просто тёплая. — Готова к приключениям, принцесса?

— Готова!

Он погладил её по голове — коротко, ненавязчиво. Катя не отстранилась.

Марина стояла в прихожей и смотрела, как они переходят к лифту. Виктор нёс рюкзак, Катя — пакет с платьем, прижав к груди. На пороге дочь обернулась.

— Пока, мама.

— Пока, солнышко.

— В воскресенье.

— В воскресенье.

Двери лифта открылись. Закрылись.

Марина стояла в открытой двери ещё секунду. Слышала, как лифт идёт вниз. Потом тишина.

Она закрыла дверь.

Прихожая без Кати была меньше. Марина всегда замечала это и всегда удивлялась, как маленький человек занимает столько пространства просто своим присутствием. Куртки на вешалке — только взрослые, в два ряда. Ботинки у порога — только её пара. Её сумка, её зонт, её ключи на крючке.

Она прошла в гостиную.

Телевизор. Она включила его автоматически — просто чтобы был звук. На государственном канале шли новости. Диктор с гладким голосом сообщал о росте экономических показателей в Верхних районах, о новых жилых комплексах категории А, о расширении программы Лицензий для семей с двумя и более членами.

Марина смотрела на диктора не видя. Думала о Кате в лифте. О том, что она говорит Виктору по дороге — легко ли? Спрашивает ли про парк? Или молчит, смотрит в окно машины?

Она не знала, каким голосом Катя разговаривает с Виктором. Слышала, конечно, — - добрый вечер-, -готова- — но это были слова для её присутствия. Настоящих разговоров она не слышала. И это было правильно, наверное. Это и должно быть так.

Правильно.

Она переключила канал. Кулинарное шоу — женщина в белом фартуке что-то лепила из теста с выражением сосредоточенного удовольствия. Переключила снова. Художественный фильм — двое в кафе, говорят о чём-то важном, музыка нарастает. Переключила.

Новостной канал снова. На этот раз — репортаж с окраины Нижнего города: расчистка территории под новый логистический центр, снос старых жилых домов. Камера показала очередь людей у пункта переселения — женщины с детьми, пожилые, сумки, тележки.

Марина выключила телевизор.

Тишина стала такой плотной, что почти звенела. Она сидела с пультом в руке и слушала, как за стеной гудит чужой холодильник, как снизу, с первого этажа, доносится едва слышный звук чужой музыки. Город за окном жил своей жизнью — шум машин, голос откуда-то сбоку, далёкий сигнал — но всё это было снаружи. Здесь, внутри, было только её дыхание и просевшая диванная пружина под левым бедром.

Телефон лежал на столике. Она взяла его. Сообщение от Ларисы — то самое, прочитанное ещё вчера, — всё ещё открывалось первым в переписке. -Катюша уже собрала вещи! С нетерпением ждём в пятницу-.

Марина пролистала выше. Их переписка с Ларисой была длинной и в основном состояла из коротких, точных сообщений: время приезда, изменения в расписании, медицинские вопросы. Лариса писала грамотно, без ошибок, всегда законченными предложениями. Марина отвечала кратко. Иногда — одним словом.

Она нашла сообщение двухлетней давности. Катя тогда только что перенесла ангину, слабая, ещё в температуре. Лариса написала: -Как Катенька? Мы беспокоимся-. Марина ответила: -Лучше-. Лариса написала снова: -Спасибо, что сообщаете. Если нужна помощь с лекарствами или врачом — скажите-. Марина не ответила.

Помощь с лекарствами. Марина тогда сидела у постели Кати и смотрела на это сообщение до тех пор, пока оно не расплылось перед глазами — не от слёз, а просто от усталости. Потом выключила экран и не думала об этом больше.

Или думала. Но так, как думают о вещах, которые нельзя изменить и незачем помнить.

Она положила телефон на стол лицом вниз.

Около восьми она поела — разогрела суп, сделала чай. Ела за кухонным столом, без телевизора, без телефона. Просто ела. За окном стемнело. Нижний город переходил в свой вечерний режим: меньше людей, другой свет — жёлтый, тусклый, экономный. Вдалеке, там, куда Марина не позволяла себе смотреть слишком долго, светился Верхний.

Там сейчас Катя, наверное, уже поужинала. Наверное, они показывали ей её комнату — там была отдельная комната для Кати, Лариса упомянула об этом однажды. Небольшая, но с окном и полкой для книг. Марина тогда не ответила ничего. Просто прочитала и убрала телефон.

Комната с окном и полкой для книг.

Их квартира была двухкомнатной — спальня и гостиная-кухня. Катина кровать стояла в спальне, Марина спала на диване. Она сделала это без лишних объяснений, просто перестав-

вила свои вещи в гостиную, когда Кате исполнилось три. Дочь должна была иметь своё пространство. Это было важнее.

Она убрала посуду. Выключила свет на кухне. Прошла в комнату — не в спальню, в гостиную. Легла на диван, не раздеваясь, смотрела в потолок.

Думала о синем платье.

Оно сейчас в рюкзаке Кати — нет, в пакете, отдельно. Аккуратно завернутое. Катя надеет его завтра, в Ботаническом парке, в ресторане. Сядет за стол. Будет выглядеть взрослее своих восьми лет — так, как выглядела в июне на дне рождения, только там была Марина напротив, а не Лариса.

Лариса увидит, как Катя хорошо выглядит в этом платье.

Марина закрыла глаза.

Она не умела ненавидеть Ларису. Пробовала — не то чтобы намеренно, просто ненависть иногда поднималась сама, закономерная, как утренний кашель. Но не держалась. Лариса не делала ничего плохого. Лариса хотела ребёнка и не могла иметь его иначе. Лариса была тёплой с Катей — Марина видела это, чувствовала это в том, как дочь произносит её имя. -Лариса Петровна- — без напряжения, без отчуждения, просто с уважением и чем-то ещё, что Марина не могла назвать и не хотела называть.

Это было невыносимо не потому, что плохо. А потому что хорошо.

Потому что Кате было хорошо там. По-настоящему хорошо. И это было правильно. И это было больно. И оба этих чувства занимали одно место в груди, и ни одно не вытесняло другое.

Марина лежала на диване с закрытыми глазами и думала о том, что завтра будет суббота. Она сможет поспать дольше. Сходить в магазин. Постирать. Прочитать что-нибудь — у неё была книга с закладкой на третьей странице; она поставила её полтора месяца назад и не возвращалась.

Она думала об этом и понимала, что ничего из перечисленного не хочет. Что хочет только одного: чтобы Катя снова сидела на подоконнике и смотрела на двор.

Но это будет воскресенье.

Сначала пятница. Суббота. Воскресенье — вечером.

Она открыла глаза.

За окном светился Верхний город — ровно и ярко.

Марина долго смотрела на него. Потом встала, задёрнула штору и легла снова.

В темноте было лучше. Тише.

Она слышала собственное дыхание. Слышала, как где-то на улице проехала машина, потом вторая. Слышала голос соседа через стену — неразборчивый, монотонный. Он снова разговаривал сам с собой.

Она думала о подоконнике. О том, как Катя сидела там сегодня — ноги подтянуты, взгляд вниз. -Мам, там мальчик с третьего этажа снова дразнит Ньюру-. Голос спокойный, заинтересованный. Не испуганный.

Хорошо.

Значит, ей здесь тоже хорошо.

Значит, это не только там, у Ларисы.

Марина сказала себе это медленно, по частям, как говорят что-то важное, чтобы оно осело и не выветрилось к утру. Катя сидела на подоконнике. Катя спрашивала про Ньюру. Катя завязывала шнурок на правом ботинке — долго, с усердием. Катя обняла её в прихожей. Катя сказала -пока, мама- и обернулась у лифта.

Это тоже было настоящим.

Так же настоящим, как Ботанический парк.

Марина не была в этом уверена. Но она повторила это себе ещё раз — тихо, почти не двигая губами — и закрыла глаза.

До воскресенья.

Глава 3. Тишина

Дверь закрылась в шесть часов четыре минуты.

Марина знала точное время, потому что смотрела на часы в тот момент, когда щёлкнул замок. Не намеренно — просто взгляд упал на циферблат настенных часов в прихожей, тех самых, с треснувшим стеклом, которые она собиралась заменить уже полтора года. Шесть часов четыре минуты. Виктор, как всегда, приехал чуть раньше оговорённого, и Катя вышла с ним на четыре минуты раньше, чем следовало бы, если бы существовало понятие -следовало бы- применительно к этой ситуации.

Она стояла в прихожей и смотрела на дверь.

Дверь была обычной — стальная, крашеная тёмно-коричневым, с двумя замками и глазком, через который в коридоре виделся искажённый круг с соседской дверью напротив. Марина смотрела на неё, пока не поняла, что ждёт чего-то. Может быть, что дверь откроется обратно. Что Катя вернётся за чем-нибудь забытым — за книгой, за любимой резинкой для волос, за тем плюшевым зайцем без уха, которого она уже редко брала с собой, но иногда всё ещё засовывала в рюкзак. За чем угодно, лишь бы войти ещё раз, сказать ещё одно слово, дать квартире ещё одну минуту не быть пустой.

Дверь не открылась.

Марина прошла в гостиную.

Комната была небольшой — если вытянуть руки в разные стороны, не достанешь до стен, но почти. Диван у одной стены, стол у другой, узкое окно, выходящее во двор. Когда Катя была здесь, комната казалась заполненной до краёв: рюкзак на полу, раскрытые тетради на столе, стакан с недопитым чаем, иногда звук — тихое пение, которое дочь не замечала за собой, просто мелодия выходила изо рта, пока руки делали что-то другое. Сейчас всё это отсутствовало. И отсутствие было физическим, почти осязаемым — как разница в давлении воздуха, когда открываешь окно в мороз.

Марина огляделась.

На столе остался карандаш — Катин, с жёванным кончиком. Она часто жевала карандаши, когда думала, и Марина всегда ругала её за это, потому что читала где-то про краску и вред, хотя наверняка это были другие карандаши, другая краска, другое время, когда это имело значение. Карандаш лежал у края стола, наполовину свесившись. Марина взяла его, покрутила в пальцах. Положила обратно.

Потом включила телевизор.

Новостной канал открылся звуком раньше, чем изображением — доля секунды, пока прогревалась матрица старого экрана: чей-то голос, быстрый, мужской, с интонацией человека, рассказывающего о срочном, но дежурном. Потом появилась картинка.

Нижний город. Она узнала его сразу — не по названию улицы, мелькнувшему в нижней строке, а по цвету. Серый, темноватый, с вывесками, которые здесь были, как везде в Нижнем, немного хуже, чем нужно: краска облезала, буквы стояли вкривь. На этом фоне толпа выглядела странно — живая, разноцветная, слишком много людей для одного кадра. Плакаты: -Дети — не товар-. -Отмените Лицензии-. -Верните нам детей-. Последний — написанный от руки, неровными буквами, одна строчка уехала вниз.

Камера дрогнула. Кто-то толкнул оператора.

Потом пошла вода — белёсая, под напором, с рассеивающимся на ветру туманом. Водо­мёты. Толпа качнулась, распалась на фрагменты. Кто-то упал. Кто-то бежал. Плакат с -детьми-не-товаром- упал в лужу и поплыл.

Голос за кадром говорил что-то про -несанкционированные собрания- и -нарушение общественного порядка-. Говорил спокойно, почти скучно — таким тоном, которым описывают погоду или пробки на дорогах.

Марина смотрела.

Она видела таких людей — не на экране, а в жизни. В очередях Бюро, в цехах, на остановках. Видела их лица — усталые, напряжённые, с той особой складкой вокруг рта, которая появляется, когда человек долго сдерживает что-то и уже не уверен, что может остановиться. Они были такими же, как она. Некоторые могли быть ею.

Она не пошла на эту демонстрацию. Не потому, что не понимала — понимала. Не потому, что не злилась — злилась. Но была Катя. Был контракт. Была статья про -радикальную деятельность-, которая могла служить основанием для пересмотра условий опеки. Она читала её дважды — ту статью, восемнадцатую — и оба раза чувствовала, как формулировки растягиваются, как резина: достаточно широко, чтобы вместить всё что угодно при желании.

Желание могло появиться.

Камера снова дрогнула. Кто-то закричал за кадром — не слова, просто звук, тот горловой выкрик, который бывает, когда боль или страх выходят быстрее, чем успевает оформиться речь.

Марина переключила канал.

Реклама открылась аккордом — мажорным, слегка синтетическим, из тех, что создают специально для того, чтобы вызвать подъём без конкретного содержания. На экране появился белый коттедж. Не просто белый — белоснежный, как в мечте о том, какими должны быть дома: с черепичной крышей, с живой изгородью, с деревом во дворе, которое было достаточно большим, чтобы дать тень, но недостаточно старым, чтобы внушать беспокойство.

По газону бежали двое детей. Мальчик и девочка — как в инструкции. Оба в светлом. Оба смеялись. Отец стоял у крыльца с дроном в руках — дрон был игрушечным, яркого оранжевого цвета, и отец держал его с той уверенной небрежностью, которая бывает у людей, привыкших держать вещи, стоящие денег, как будто они ничего не стоят.

Голос за кадром был мягким. Женским. Из тех голосов, которые используют для рекламы детского питания и страховых полисов.

-Лицензия на Воспроизводство — это ответственность-.

Дети обернулись к отцу. Дрон взлетел.

-Это будущее-.

Мать вышла из дома — тоже в светлом, с чашкой в руках. Семья собралась вокруг дрона, головы задраны вверх, лица открытые, счастливые, правильные.

-Подайте заявку сегодня. Сделайте выбор осознанно-.

Логотип Бюро в углу экрана — строгий, синий, с маленькой стилизованной фигурой семьи внутри. Цифра горячей линии.

Марина выключила телевизор.

Не резко — просто нажала кнопку. Экран потух с тихим щелчком. В комнате стало темнее: вечер за окном уже набрал достаточно темноты, чтобы окно из зеркала превратилось в источник холодного серого света.

Она сидела в тишине.

-Сделайте выбор осознанно-.

Марина попыталась вспомнить, когда именно она -делала выбор осознанно-. Наверное, это было в кабинете Бюро три года назад, когда ей объяснили варианты. Интернат или программа. Два слова — и за каждым целая конструкция последствий, которые она тогда ещё не вполне понимала. Она выбрала программу. Это называлось осознанным выбором.

Осознанный выбор между плохим и чуть менее плохим всё равно оставался выбором между плохим и чуть менее плохим.

Она встала, прошла на кухню.

Холодильник гудел тихо и ровно — звук, который она обычно не замечала, потому что он был всегда. Сейчас, в тишине пятничного вечера, он казался громким. Марина открыла дверцу.

Внутри: кастрюлька с остатками вчерашнего супа — примерно на одну порцию, может, чуть меньше. Полупустая упаковка сыра. Два яйца. Кефир, срок годности которого истекал завтра. На дверце — горчица, соевый соус, початая банка маринованных огурцов. На верхней полке почему-то лежала цветная резинка для волос — Катина, закатившаяся при разборке продуктов неделю назад. Марина тогда положила её сюда -чтобы не потерять- и забыла.

Она взяла резинку. Поддержала. Положила на стол.

Есть не хотелось. Это было привычным состоянием пятничных вечеров — желудок как будто тоже понимал, что что-то не так, и отказывался требовать своего. Марина налила воды из-под фильтра, выпила стакан стоя, глядя в стену. Вода была безвкусной и чуть холодной. Она налила второй стакан и взяла его с собой в комнату.

У окна был единственный стул, который она держала именно здесь — не у стола, а у окна. Когда-то, в самом начале, она поставила его для практических нужд: поменять лампочку под потолком, дотянуться до верхней полки. Но потом он так и остался у окна, и она садилась на него по вечерам, и это стало привычкой, которую она не называла никак, просто делала.

Она села.

Вечер опускался неравномерно — это всегда так в городе, где есть районы, в которых темнеет быстрее. В Нижнем городе темнело раньше, потому что дома были выше и стояли плотнее, и просветы между ними были уже, и солнце уходило из них задолго до того, как уходило с горизонта. Так что, когда небо над головой ещё сохраняло розовато-серый цвет позднего вечера, двор внизу уже лежал в темноте.

Марина смотрела на небо.

Слои: сначала то самое розовато-серое у горизонта, потом лиловое выше, потом, совсем вверху, уже почти чёрное — там, где ночь наступала раньше, потому что ей не мешал рассе-

янный городской свет. Облака шли с запада, рваные, быстрые. Ветер был наверху, не здесь — здесь, во дворе, почти штиль.

Потом загорелся Верхний город.

Он всегда загорался не сразу и не весь — сначала отдельные окна, потом целые корпуса, потом световые контуры башен, которые включались автоматически по датчику освещённости. Марина видела его каждый вечер в этом окне: светящийся прямоугольник на горизонте, слишком правильный, слишком ровный, чтобы казаться частью того же города. Здесь фонари мигали и перегорали, и управляющая компания заменяла их неспешно, через жалобы и звонки. Там свет был постоянным и ровным, как в операционной.

Она смотрела на эти огни и думала: там сейчас Катя.

Сомовы жили не в самих башнях — Лариса однажды, в одном из своих аккуратных сообщений, упомянула -наш квартал-, и Марина потом нашла его на карте. Средний пояс Верхнего города: не самое дорогое жильё, но достаточно дорогое. Четырёхкомнатная квартира — она знала это из документов Бюро, там был указан метраж. Сто двенадцать квадратных метров. У Кати там была своя комната — с кроватью, выбранной специально для неё, с книжными полками, с маленьким письменным столом у окна.

Марина бывала в этой квартире один раз, в самом начале — это была обязательная часть процедуры, -визит знакомства-. Она стояла в прихожей, большой, светлой, пахнущей каким-то дорогим воздухоочистителем, и кивала, пока Лариса показывала комнаты. Всё было правильным. Чистым. Хорошо освещённым. Без трещин в штукатурке, без протёкшего потолка, без скрипящего паркета, требующего ремонта уже три года.

— Здесь будет жить Катюша, — сказала тогда Лариса, открывая дверь в детскую. Голос у неё дрогнул. Она очень старалась. Марина это видела и не знала, что делать с этим знанием.

Сейчас она попыталась представить, как Катя сидит за тем маленьким столом у окна. Делает ли она уроки сегодня или пятница — свободный день? Наверное, свободный. Наверное, они ужинают сейчас — Лариса готовит хорошо, Марина знала это по тому, как Катя иногда нечаянно, не думая, говорила: -А Лариса Петровна делает пасту с.. - — и обрывалась на полуслове, видя выражение мамино лица. Или, думая, что видит. Марина старалась не показывать выражение лица. Иногда не получалось.

Может быть, Виктор показывает Кате фотографии с прошлых поездок. У него был хороший фотоаппарат — настоящий, не телефонный. Марина видела его однажды, в ту же первую встречу. Он лежал на полке в гостиной, среди других вещей, которые стоят на полках в квартирах людей, у которых есть деньги на полки и на вещи, которые на них стоят.

Может быть, Катя смеётся сейчас.

Марина почти слышала этот смех — низкий для восьмилетней девочки, немного хриловатый, заразительный. Это был её собственный смех, узнаваемый, ни на что не похожий. Чужие люди могли показывать Кате что угодно, могли кормить её чем угодно, могли водить её куда угодно, — но смех оставался её.

Это была маленькая, глупая мысль, которая не меняла ничего.

Но Марина держалась за неё.

Около восьми зашумели соседи сверху. Это была молодая пара — они въехали полгода назад, и от них периодически приходили звуки, которые Марина научилась различать: шаги, музыка, иногда голоса. Сейчас голоса — спор, судя по интонациям, но не скандал. Что-то выясняли. Потом смолкли. Потом снова зашумели, теперь уже смехом.

Она позавидовала им. Тупо, безрадостно — не потому, что у них была какая-то особенная жизнь, а просто потому, что у них был кто-то рядом. Кто-то с кем можно спорить и смеяться в пятничный вечер, пока в холодильнике заканчивается кефир и за окном темнеет.

Телефон лежал на столе. Молчал.

Лариса не напишет. Это было правило — не написанное, но соблюдаемое обеими сторонами, потому что его нарушение означало бы признание того, что они не справляются. Что им нужна связь с противоположной стороной. Что разделение на -их время- и -наше время- было не таким чистым, как следовало по документам.

Марина и сама не напишет. Это тоже было правилом.

Но она взяла телефон.

Открыла переписку с Катей. Последнее сообщение — сегодня, в пять сорок пять, от Кати: -мама я уже собралась-. Марина ответила -Отлично, молодец- — и даже поставила смайлик, потому что показалось, что без смайлика слишком сухо. Потом пожалела о смайлике. Потом перестала об этом думать.

Она смотрела на этот обмен. Восемь слов туда и обратно. Вся их пятничная связь.

Написала: -Как ты там? -

Смотрела на отправленное. Потом нажала удалить.

Это был их мир, их время. Катя не должна была разрываться между -как ты там? - и тем, что происходило вокруг неё там. Она не должна была чувствовать, что мама — здесь, одна, у окна, со стаканом воды и резинкой для волос на столе.

Она положила телефон обратно.

Марина встала и пошла в Катину комнату.

Не потому, что там нужно было что-то делать — просто пошла. Дверь была приоткрыта, как всегда. Катя никогда не закрывала свою дверь до конца, даже когда спала: не любила ощущения замкнутого пространства, говорила, что так -слышно лучше-. Что именно слышно — никогда не уточняла. Наверное, квартиру. Наверное, маму.

Комната была маленькой — в ней помещались кровать, стол и узкий шкаф, и между ними оставалось ровно столько пространства, чтобы не чувствовать себя замурованным. Марина стояла в дверях и смотрела.

На столе — тетради, сложенные стопкой. Катя всегда складывала их аккуратно, по предметам, корешками наружу. Это была не мамина привычка и не школьная дисциплина — просто её собственный порядок, возникший сам по себе года в четыре, когда дочь вдруг начала расставлять игрушки по размеру и сердилась, если кто-то нарушал систему. Марина тогда думала: пройдёт. Не прошло.

На подоконнике — рисунок, прижатый книгой, чтобы не скручивался. Цветными карандашами, плотно, с усилием: дерево, очень большое, с корнями, уходящими за край листа. Рядом маленькая фигурка — не понять, человек или зверь. Марина не спрашивала, что это значит. Некоторые вещи нужно оставлять нетронутыми.

Она подошла к кровати. Одеяло было смято — Катя поднялась наспех, побежала на кухню, не заправила. Марина разгладила его машинально, расправила подушку. Движения привычные, почти бессознательные. Тело делало это само, пока голова была где-то ещё.

На тумбочке лежал синий браслет.

Она не хотела на него смотреть — и смотрела.

Небольшой, с матовым экраном, с закруглёнными краями. Дорогой материал, не пластик — что-то между керамикой и металлом, тёплое на ощупь. Катя надевала его каждое утро первым делом, ещё в пижаме, до умывания. Как будто без него день не начинался.

Марина не трогала браслет. Просто стояла рядом.

Из коридора донёсся звук — сосед за стеной включил воду. Обычный звук, утренний. Жизнь продолжалась в своём ритме по обе стороны тонких стен.

Она подняла глаза к окну.

Небо было белёсым, без синевы — такое бывает в начале осени, когда лето ушло окончательно, а холод ещё не решил, всерьёз ли он. По стеклу ползла одна капля, медленно, останавливаясь и снова трогаясь с места.

Марина подумала о том, что в пятницу Катя уложит вещи в рюкзак — аккуратно, по своей системе — и будет ждать у окна. Не с тоской и не с нетерпением. Просто ждать. Так же спокойно и серьёзно, как делает всё остальное.

Это спокойствие было самым трудным.

Легче было бы, если бы дочь рвалась туда или сопротивлялась. Если бы плакала перед отъездом или плакала при возвращении. Но Катя просто жила — в обоих местах, с обоими наборами правил, с обеими женщинами, которые любили её и не могли договориться об этом друг с другом.

Марина вышла из комнаты. Не закрыла дверь.

Глава 4. Ботанический

Запах пришёл раньше, чем они вошли.

Катя почувствовала его ещё у ворот — что-то зелёное, густое, живое, совершенно непохожее на запах двора или школьного коридора. Не трава, не земля в обычном смысле — скорее то, чем могла бы пахнуть земля, если бы у неё было время вырасти во что-то большее. Она потянула носом и остановилась.

— Пойдём, — Лариса мягко потянула её за руку. — Там внутри ещё лучше.

Ворота были из тёмного металла с коваными листьями по краям — не голографическими, Катя уже умела различать. Голографические листья всегда немного светились изнутри и не двигались при ветре. Эти двигались: чуть вздрагивали, пока охранник у входа сканировал браслет Виктора. Зелёный сигнал. Щелчок замка. Они прошли.

И тогда Катя увидела деревья.

Она видела деревья раньше, конечно. В школьном дворе росли три тополя — высокие, тонкие, пыльные. В парке у блока стояло несколько берёз с потрескавшейся корой. Но то, что стояло здесь, вдоль аллеи, уходящей вглубь парка, — это было другое. Это были деревья такого размера, что казались ненастоящими. Или, наоборот, настоящими в той мере, в которой всё остальное было ненастоящим.

— Господи, — сказала Катя.

Виктор засмеялся за её спиной.

— Хорошее начало.

Лариса взяла её за руку снова — не тянула, просто держала, и Катя позволила. Ладонь у Ларисы была мягкой и тёплой, с коротко подстриженными ногтями, пахла каким-то лёгким кремом. Мамины руки пахли рабочим мылом и иногда металлом. Катя любила оба запаха — они были разными словами для одного и того же.

Они пошли по аллее. Катя считала деревья — сначала, потом сбилась. Аллея изгибалась, раздваивалась, снова сходилась. По обе стороны дорожки стояли таблички с названиями — маленькие, деревянные, написанные спокойным шрифтом. Она читала их, шевеля губами: дуб черешчатый, два века и восемь лет; ясень обыкновенный, посадка до Великого Переселения; лиственница сибирская, перенесена из питомника.

— А почему сюда переносят деревья? — спросила она.

— Потому что в городе для них нет места, — ответила Лариса. — Когда строили Нижний город, срубили большой лес. Часть деревьев успели пересадить сюда.

— А в Нижнем городе они не могут расти?

— Почва другая. И воздух. Здесь специальный уход.

Катя посмотрела наверх. Кроны смыкались где-то высоко — не полностью, оставляя просветы, в которых осеннее небо казалось особенно синим, почти неправдоподобным. Солнце просачивалось через листья пятнами, ложилось на дорожку дрожащими кругами. Когда ветер чуть усиливался, пятна двигались.

— Стой, — сказала она вдруг.

Лариса остановилась.

— Смотри. — Катя указала на пятно света у своих ног. — Оно живое.

Пятно медленно качнулось влево, потом вправо, потом снова влево — вслед за движением ветви где-то наверху.

— Да, — согласилась Лариса. — Живое.

Виктор подошёл ближе с камерой — небольшой, в корпусе цвета слоновой кости, дорогой, Катя не знала таких камер раньше, только видела в рекламе. Он снимал её снизу вверх, потом сверху вниз, потом просто стоял рядом, и Катя не всегда понимала, снимает он или нет.

— Улыбнись, Катюша.

Она улыбнулась — не потому, что он попросил, а потому что не улыбаться в этот момент было невозможно.

Секвойя стояла отдельно, на небольшом возвышении в стороне от основной аллеи, и Катя увидела её не сразу — только когда они свернули на боковую дорожку. Сначала она не поняла, что именно видит: что-то очень большое, красно-коричневое, занимавшее слишком много пространства для одного дерева. Потом взгляд собрался в фокус.

Ствол был толще, чем их квартира в ширину — Катя почти не сомневалась в этом. Кора шла вертикальными бороздами, глубокими и мягкими на вид, как гофрированный картон, только огромный. У основания ствол расходился в корни, которые выступали из земли буграми, и каждый такой бугор был с Катю ростом.

Она подошла медленно, как подходят к чему-то, о присутствии чего ещё не знают, как себя вести.

— Ей почти триста лет, — сказала Лариса, встав рядом. — Она видела мир до Великого Переселения. До строительства городов. До первых Лицензий.

Катя не ответила.

Она смотрела на дерево. Триста лет — это число, которое она понимала умом, но не могла представить. Её самой было восемь. Маме тридцать один. Бабушка, которой не стало, когда Катя была совсем маленькой, — та дожила до семидесяти двух. Все эти числа были

меньше трёхсот. Всё, что она знала о людях, помещалось внутри этого дерева по длине его жизни несколько раз.

Она подняла руку и прикоснулась к коре.

Это было неожиданно — не твёрдость, которую она ожидала, а что-то между. Кора поддавалась чуть под пальцами, как будто дышала. Не пружинила, не была мягкой, но живой — и это слово, которое обычно ничего особенного не значит, вдруг стало значить что-то конкретное: живой означало вот это. Это прикосновение. Этот ответ.

— Тёплая, — сказала она.

— Да. Деревья нагреваются от солнца.

— Я знаю. — Катя провела пальцем по одной борозде вниз. — Но по-другому думала.

Она не могла объяснить, как именно. Просто что-то изменилось от прикосновения — какое-то представление о том, что бывает на свете. Как будто она читала слово и знала его значение, а потом встретила предмет, который это слово означает, и оказалось, что значение было правильным, но неполным.

Виктор снимал. Лариса стояла тихо, не торопила.

Катя прижала ладонь к коре и закрыла глаза.

Триста лет. Она попыталась представить, что чувствует дерево. Потом решила, что дерево, наверное, ничего не чувствует в том смысле, в каком чувствует она. Но что-то в нём есть — что-то, что длится, что остаётся, когда всё остальное проходит. Она не знала, как это называется. В её словаре не было такого слова.

— Пойдём дальше? — мягко спросила Лариса.

Катя открыла глаза. Убрала руку — не резко, а медленно, как убирают руку от чего-то, с чем не хочется прощаться.

— Да, — сказала она. — Пойдём.

Оранжерея была в другом конце парка, за японским садом, который они прошли быстро — Катя только мельком увидела камни и воду и подумала, что хотела бы вернуться туда, но ничего не сказала. Впереди было что-то новое.

Дверь оранжереи открылась, и воздух ударил сразу — как будто ты заходишь в другое время года. Тёплый, плотный, насыщенный запахами, которые Катя не умела назвать по отдельности, только вместе: земля, вода, что-то цветочное, немного горькое, немного сладкое, что-то живое в самом простом смысле этого слова. Она остановилась прямо у входа.

— Ничего, что у меня дыхание перехватило? — спросила она.

Виктор засмеялся.

— Нормально. У меня каждый раз так.

Орхидеи были везде. На специальных стеллажах вдоль стен, на деревянных подставках вдоль дорожек, некоторые — просто в горшках на полу, расставленных группами. Белые, лиловые, жёлтые с красными прожилками, розовые с тёмным центром, совершенно чёрные — Катя думала, что чёрных цветов не бывает, но эти были именно чёрными, глянцевыми, как будто покрашенными. Форма у каждого была своя, и Катя смотрела на них медленно, переходя от одного к другому, как смотрят на что-то, о чём знают: запомнится.

Лариса шла рядом. Потом остановилась перед одним стеллажом — там росла орхидея бледно-сиреневого цвета с тёмными точками, совершенно симметричная. Опустилась на корточки рядом с Катей.

— Знаешь, — сказала она тихо, почти так, как говорят сами с собой, — когда я была маленькой, моя бабушка выращивала орхидеи. Дома. В обычной городской квартире — только не в Нижнем, в старом доме, ещё до Переселения. Это было до запрета на частные оранжереи.

— Запрет на оранжереи?

— На содержание определённых видов растений дома. Слишком много воды. Слишком много ресурсов. — Лариса говорила ровно, без злости, как говорят о чём-то, что давно принято и оттого не стало менее странным. — Бабушка не соглашалась с этим. Говорила, что цветы чувствуют, когда их любят. Что они реагируют на голос. Что если долго молчать рядом с орхидеей, она начинает чахнуть.

— Это правда? — прошептала Катя.

Лариса посмотрела на цветок.

— Не знаю. Бабушка верила. А бабушкины орхидеи были самые красивые из всех, что я видела.

Катя посмотрела на орхидею. Лепестки у неё были тонкими, почти прозрачными у краёв, и Катя подумала, что, если приложить к ним фонарик, наверное, будет видно, что внутри. Она протянула руку — медленно, как протягивают к чему-то хрупкому.

— Можно потрогать?

— Осторожно.

Она коснулась лепестка одним пальцем. Он был гладким и прохладным — неожиданно прохладным для такого тёплого воздуха. И очень живым под пальцем. Не как кора секвойи — та была живая иначе, как-то глухо, на большой глубине. Орхидея была живой близко, почти на поверхности.

Катя убрала палец. Подождала. Лепесток не дрогнул.

— Лариса Петровна.

— Да, солнышко?

Она не знала, почему спросила именно это и именно здесь. Не потому, что не знала ответа — она, наверное, знала. Но что-то в этом воздухе, в этом запахе, в этих цветах вытасило вопрос раньше, чем она успела решить, говорить его или нет.

— Вы меня любите?

Лариса замерла.

Это была другая неподвижность, не та, с которой замирают, когда думают. Это была неподвижность перед чем-то, к чему не совсем готовы, — Катя видела её у взрослых иногда, когда они не знали, как ответить так, чтобы ответ был правдивым и при этом не причинил вреда. Мама так замирала иногда. Редко, но замирала.

Потом Лариса обняла её — резко, крепко, так, что Катя ойкнула от неожиданности, не от боли. Руки у неё были сильные, несмотря на мягкость ладоней.

— Очень сильно, — сказала Лариса. Голос у неё был странным — слишком ровным для такого объятия, как будто она держала что-то под контролем. — Очень.

Катя не ответила. Она стояла в этих руках и думала о том, что любовь — странная вещь. Что её можно любить, Ларису, и при этом любить маму — и это не одно и то же, не одинаково, но обе любви настоящие. Она не знала, правильно ли это. В школе говорили о семье как об одном доме. В контракте, который она не читала, но знала, что он существует, наверное, тоже что-то говорилось. Но её ощущение не спрашивало разрешения у контракта.

Сзади слышался тихий звук — Виктор перевёл камеру в сторону. Слишком намеренно, слишком быстро.

Катя скосила глаза.

Он стоял у соседнего стеллажа, снимая совершенно не примечательную белую орхидею, и его плечи были чуть приподняты. Она видела только его профиль, но этого было достаточно. Он тёр глаза тыльной стороной ладони — один раз, быстро.

Катя ничего не сказала.

Она дала Ларисе ещё немного постоять так, потому что поняла: это нужнее Ларисе, чем ей самой. Потом осторожно отступила.

— Они красивые, — сказала Катя, кивнув на орхидеи. — Все.

— Да, — согласилась Лариса, и голос у неё был уже ровный. — Все.

В туалете ресторана пахло чем-то лимонным и древесным одновременно. Зеркала здесь были большими, в полстены, с подсветкой по краям — тёплой, не больничной. Катя разгля-

дывала себя в такое зеркало и думала, что выглядит немного чужой в этом свете. Не плохо. Просто чужой, как предмет, поставленный не на своё место. Хотя, может, дело не в свете.

Синее платье она надела прямо здесь, в кабинке, пока Лариса ждала снаружи. Застёгивала пуговицу на спине сама, не попросила помочь — потянулась, не достала, потянулась ещё раз. Застегнула. Вышла.

— Дай я причешу, — сказала Лариса.

У неё была расчёска в сумке — маленькая, черепаховая. Лариса расчёсывала аккуратно, не торопясь, начиная с кончиков. Мама расчёсывала так же — снизу вверх, чтобы не тянуть. Катя отметила это и ничего не сделала с этим наблюдением, просто отложила.

— Косу?

— Можно.

Лариса плела косу медленно, и в зеркале Катя видела её лицо — сосредоточенное, спокойное, с лёгкими морщинами у глаз, которые появлялись, когда она шурилась. Сорок два года, Катя знала. У неё не было своих детей — не из-за нежелания, а из-за того, что так вышло, что медицина не смогла, что очередь на Лицензию тянулась, пока не стало поздно в обычном смысле. Катя не знала всего этого в деталях, но знала в общем — из разговоров, которые взрослые вели, думая, что она не слышит или не понимает.

Она слышала. Понимала — не весь смысл, но достаточно.

— Готово, — сказала Лариса. — Смотри.

Катя посмотрела в зеркало. Коса лежала ровно, чуть набок, так, как у неё никогда не получалось самой. Она покрутила головой. Коса не развалилась.

— Красиво, — сказала она.

Не потому, что надо было сказать. Потому что правда.

Ресторан назывался как-то с латинским словом, которое Катя не запомнила, зато запомнила всё остальное: потолок с деревянными балками, столики без скатертей, но с живыми цветами в маленьких вазах, приглушённый свет, от которого всё выглядело чуть теплее, чем было на самом деле. Запах здесь был сложным — несколько запахов сразу, из кухни, и Катя не могла разобрать их по отдельности, только чувствовала, что от них становится немного голодно даже если не голодна.

Официант принёс меню — не карточку, а планшет, гладкий и тонкий, и на экране были фотографии блюд. Катя листала медленно. Фотографии были такими, что казались нарисованными: каждое блюдо сфотографировано с определённого угла, при определённом свете, с капельками росы на зелени, с соусом, лежащим идеально. В реальности, наверное, было иначе. Но она смотрела на фотографии и думала: вот как можно. Вот что бывает.

— Выбирай что хочешь, — сказал Виктор.

Она подняла глаза. Он смотрел серьёзно — не как говорят -выбери что хочешь- и имеют в виду что-то с границами, а как говорят и имеют в виду буквально.

— Правда?

— Правда.

Она вернулась к меню. Прошла через несколько страниц. Паста с трюфелями — незнакомое слово. Рыба с каким-то соусом — рыбу она не очень любила, хотя дома ела, потому что это было дешёво и полезно. Мясо нескольких видов. Закуски, которые она не могла классифицировать.

А потом: паста с креветками.

Она видела креветок на картинках. В рекламе морепродуктов. На упаковках в магазине — тех, что стояли на дорогой полке, которую она не рассматривала, потому что незачем. Розовые, изогнутые, с хвостиками. Они казались ей немного странными — слишком декоративными для еды. Но именно поэтому она их и выбрала. Потому что никогда не знала, какой у них вкус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.